

- ¹⁸ Таможенные книги Московского государства XVII века / Под ред. А. И. Яковлева. Т. 2: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотыма в 1650–1656 гг. М.; Л., 1951. С. 467–473; Т. 3. ... в 1675–1680 гг. М.; Л., 1951. С. 463–468.
- ¹⁹ *Можегов А.И.* Ношуль: История села. Сыктывкар, 2006. С. 28, 31.
- ²⁰ Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 120.
- ²¹ Таможенные книги... Т. 3. М., 1951. С. 463–468.
- ²² *Красильникова Э. Д.* Торговля и торговые люди... С. 28; История Коми. Т. 1. С. 117–118.
- ²³ История Коми. Т. 1. С. 117
- ²⁴ *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X — нач. XX в. М., 1982. С. 160–161.
- ²⁵ История Коми края в документах... Ч. 1. С. 43.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 28. Л. 755, 761, 763.
- ²⁷ *Булгаков М. Б.* Народы Европейского севера... С. 86.
- ²⁸ *Красильникова Э. Д.* Торговля и торговые люди... С. 23, 25; История Коми. Т. 1. С. 117, 170.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 303. Д. 244.
- ³⁰ *Леонтьев В. М.* Торговля Березова... С. 73.
- ³¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 244. Л. 16 об.; Д. 303. Л. 21 об.
- ³² *Красильникова Э. Д.* Торговля и торговые люди... С. 28.
- ³³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 303. Л. 21 об.
- ³⁴ Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 134–135.
- ³⁵ *Красильникова Э. Д.* Торговля и торговые люди... С. 28; Архив гостей Панкратьевых... Т. 1. С. 74–75, 270.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4540. Л. 164; НАРК. Ф. 286. Оп. 1. № 218. Л. 1; Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 141; Архив гостей Панкратьевых... Т. 1. С. 45, 72, 74, 76, 78, 162, 172, 175, 287.

О. Ю. Куц

ТОРГОВЛЯ ЛОШАДЬМИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ «ДОНСКОЙ ТОРГОВЛИ» (по материалам второй четверти XVII в.)

Одним из основополагающих моментов во взаимоотношениях Москвы и Дона в XVII в. была т. н. «донская торговля» — торговые связи донских казаков с населением южных городов Русского государства. Важнейшей составной частью данного явления была торговля лошадьми (конская торговля), так как отгон лошадей у кочевников представлял собой основную цель казачьих военных походов «на степь».

Одним из наиболее информативных источников по «донской торговле» XVII в. являются материалы сыска о поездках жителей южнорусских городов на Дон, проведенного в этих городах в 1628 г. В ходе сыска требовалось фиксировать не только данные о торговых сделках с казаками людей, попавших

под следствие¹, но и отмечать реализацию в пределах Русского государства товаров, приобретенных на Дону. Особенно часто в материалах следствия упоминаются лошади, которые в наказе проводившим сыск, фигурируют и как предмет торговых сделок, и как потенциальная военная добыча, которую южнорусские торговые люди могли приобрести через участие в казачьих военных предприятиях. Следует отметить упоминание в данном наказе также торговли хлебом, поскольку, как увидим далее, именно «хлебные запасы» (мука, сухари, различные крупы) чаще всего выменивались на лошадей.

Надо сказать, что «донская торговля» официально была разрешена лишь в 1638 г., вслед за взятием казаками Азова. В 1620-е гг. таковая существовала негласно. После Смуты на нее не был возобновлен строжайший запрет, существовавший во время Бориса Годунова. Сыск же 1628 г. возник по той причине, что после событий «московского разоренья» казаки ходили в запрещенные им тогда со стороны русского государя «воровские» походы (запрет был связан с крайней необходимостью сохранения в тот период мира с Крымом и Турцией), а полученную военную добычу посредством торговли с южнорусскими городами сбывали в России, создавая таким образом почву для конфликтов с «бусурманами». Поэтому и поездки жителей южных городов к казакам в 1628 г. были также объявлены «воровскими»². Данное определение распространялось, надо полагать, и на казачью добычу, приобретающуюся русскими торговыми людьми на Дону. Это объясняет и интерес властей к данным предметам торговли.

Таким образом, документация, возникшая в ходе проведения указанных сыскных мероприятий, представляет собой уникальный источник сведений о такой важнейшей стороне «донской торговли» как конская торговля, а также о хлебной торговле на Дону. В дополнение к данным, содержащимся в материалах сыска, нами приведена информация о ценах на скаковых коней в низовье Дона, извлеченная из поданных в Москве челобитных казачьих станиц. Прошения, содержащие подобные сведения, представлялись в Посольский приказ казаками, приезжавшими в столицу с войсковыми отписками. В этих документах обосновывалась необходимость денежной компенсации убытков, которые нередко несли казачьи станицы на пути к Валуйкам через крайне опасную в военном отношении донецкую степь. То же касается и челобитных русских гонцов, ездивших с государевыми грамотами к казакам через эти же места. Затронута нами и информация о хлебных ценах в низовье Дона, целенаправленно собиравшаяся Москвой в период как Азовской эпопеи донских казаков (1637–1642), так и в более позднее время³.

Прежде чем обратиться непосредственно к теме конской торговли рассмотрим масштабы отгона казаками лошадей у кочевников. Для этого необходимо дать общую характеристику соответствующих казачьих военных предприятий. Повседневным видом казачьего степного «воинского промысла» над татарами были набеги, осуществлявшиеся ватагами по 10–20–40 че-

людей. Подобные набеги в большинстве своем не нашли отражение в источниках. Наиболее яркий и достаточно подробный материал о походах такого рода дошел до нас от времени Азовской эпопеи, когда в Москве живо интересовались происходящим на Дону. В другие периоды истории донского казачества информация об этих предприятиях появлялась в документах лишь эпизодически. Чаще всего находим ее в казачьих войсковых отписках в Москву, в которых содержатся упоминания лишь о некоторых из таких походов. В данных документах прежде всего сообщалось о показаниях захваченных татарских «языков». Именно полученной от них информацией о ситуации в кочевом мире интересовались в Москве в первую очередь. Подробности же самих походов и происходивших в их ходе степных столкновений чаще всего отходили на второй план. Так, характерно, что в отправлявшихся с Дона в Москву казачьих отписках степные набеги казаков именовались исключительно походами «за языками». В период же Азовской эпопеи источники, зачастую фиксировавшие показания частных лиц, употребляют в основном несколько иную терминологию, которая, на наш взгляд, более точно соответствовала действительности. Согласно таковой, походы «на степь» совершались казаками как «для языков и конского отгона», так и просто «для конского отгона».

Вот лишь некоторые эпизоды казачьей боевой деятельности в степи в рассматриваемое время. Они весьма характерны и для других периодов казачьей истории. Приехавший в ноябре 1641 г. в Астрахань с Дона улусный татарин ногайского Салтанаш-мурзы Аксакова Элдибай Янарсланов показывал во время расспроса русским властям следующее. Во время его пребывания в Азове туда прибыли девять донских казаков, ходивших в набег на Крымскую степь. В казачьем кругу они сообщили об отгоне у татар на р. Молочные Воды 200 лошадей и захвате в плен одного татарина⁴. Тогда же другой отряд казаков из Азова отогнал у татар в том же районе 300 лошадей и также захватил татарина «в языках»⁵. Количество ушедших в поход во втором случае в документе не указано, но скорее всего оно также было невелико. Осенью 1638 г. из Азова в набег под ногайские улусы ходило восемь донских казаков. Татарские кочевья им удалось обнаружить лишь в десяти днях пути от Дона «за Крымом, на реке Самаре, к Днепру близко», где казаки отогнали у степняков около 60 лошадей⁶. Если попытаться представить себе размеры захваченной казаками в этих случаях добычи, то выглядит она немалой. В первом случае один пай должен был составить более 20 лошадей, в третьем — 8 лошадей. Наконец, 20 донских казаков, ходивших летом 1639 г. в набег под Крым, на р. Кальчик («Кала») наткнулись на 16 татар, стоявших с лошадьми в степи на стану. Казаки, отгнав у татар лошадей, в ходе боя захватили также в плен двух человек, один из которых оказался крымским Азамат-мурзой Мансуровым (позднее казаки отдали его на выкуп), остальные неприятели бежали от казаков пе-

шими и «отсиделись» от них «в щели» (вероятно, пещере или расщелине одного из мест Приазовской возвышенности)⁷.

В нашем распоряжении имеются лишь редкие и в значительной степени скудные известия о казачьих походах в степь. Между тем, подобные походы совершались донскими казаками постоянно. В частности, в октябре 1640 г. атаман Д. Гаврилов со станичниками показывали в Москве, что «под крымские де улусы атаманы и казаки из Азова ходят почасту...»⁸. Следует отметить, что казачьи набеги производились не только под Крым, но и на Ногайскую степь (левая сторона Дона, где по преимуществу кочевали улусы Малой Ногайской орды), а также «под Черкесы» (речь идет о местах проживания темрюцких черкесов). Так, сын боярский И. Суслов, вернувшийся с Дона в Астрахань в начале декабря 1638 г., сообщал во время расспроса: «А з Дону де казаки и (донские. — *О. К.*) татаровя под Темрюк, и под Крым, и под нагайские улусы в подъезд и для проведывания вестей ездят безпрестани (постоянно. — *О. К.*), а без подъездчиков де з Дону не бывает»⁹. Подобная ситуация сохранялась, безусловно, практически постоянно. При этом еще раз отметим, что, без сомнения, большая часть подобных набегов не нашла отражения в источниках. Интересно, что лошадей не только отбивали в ходе нападений на татарские улусы, но и просто крали, для чего было достаточно, по-видимому, группы из нескольких человек. Так, материалы указанного сыского дела 1628 г. донесли до нас следующие показания «вышедшего» из татарского плена через Дон в Курск крымского пленника. Один из его спутников по пути из казачьих городков через донецкую степь в Валуки, Кудря Дубровин, возвращавшийся в Белгород после пребывания у казаков, перед этим, по словам пленника, «з Дону хаживал з болдырями в нагайские улусы коней красть»¹⁰.

Впрочем, далеко не всегда отряды казаков, уходившие в набег «на степь», были столь малочисленны. Случались и крупные походы. Соответственно, и их результаты были гораздо более впечатляющими. Так, летом 1640 г. на Крымскую степь было отправлено из Азова 500 конных казаков. Под Крымом в районе Перекопа у них произошло столкновение с крымским отрядом во главе с тремя мурзами, направлявшимся в набег «на Русь». В ходе боя два мурзы было убито, третий бежал от казаков раненый, в плен было захвачено семьдесят человек¹¹. Сколько при этом казаки захватили лошадей, остается неясным, но надо полагать, что число их тоже было достаточно велико. Впрочем, набеги численностью от 100 до 300 (тем более до 500) казаков были нечасты и являлись уже достаточно крупным для Дона военным событием. По данным казачьих войсковых отписок, нередко в походах на татарские улусы принимало участие до 50–60, иногда — до 90–100 человек¹².

Из сказанного выше следует, что в ходе степных походов казаки совершали нападения не только на татарские кочевья. Очень выгодными в плане получения военной добычи были «погромы» татарских отрядов на степных

шляхах, которыми кочевники ходили в набеги на русские земли. Так, пятеро едисанских татар Тлешко Исенгелдеев «с товарищи» показывали в 1638 г. в Астрахани, что во время пребывания их в казачьем городке Есаулове в феврале этого года к здешним казакам поступило известие о появлении в данном районе отряда татар, шедшего из Крыма в набег «на Русь». По этим «вестям», — продолжали Исенгельдеев с товарищами, — «собрався... из Ясаулова и из ыных казачьих городков донских казаков и (донских. — О. К.) татар с полтараста человек», отправилось на речку Чир против упомянутых татар; участие в походе приняли также сами рассказчики. И хотя татарский отряд насчитывал около тысячи человек, нападение на него было произведено, по видимому, столь удачно, что казаки этих «татар многих побили, и лошади многие отбили». Шедшие в набег были, похоже, разогнаны, глава татарского отряда Ямгурчей-мурза «с невеликими людьми» бежал обратно в Крым. Характерно, что самим рассказчикам «на их паи» в ходе раздела захваченной добычи досталось 40 лошадей, т. е. по 8 лошадей на человека¹³. Следует отметить, что речь здесь идет, скорее всего, о дорогих скаковых конях, поскольку разгромлен был боевой отряд неприятеля.

Вот еще один редко встречающийся в источниках пример казачьей добычи на степных путях, правда, от несколько более позднего времени. В мае 1659 г. отряд донских казаков во главе с атаманом М. Самарениным, объединившись со встреченной в степи группой «черкас» из г. Царева-Борисова (в совокупности 50 человек), произвел внезапное нападение и наголову разгромил отряд из трехсот татар, переправлявшихся через р. Самару (татары шли на помощь к гетману И. Выговскому, находившемуся тогда в конфликте с Москвой). По-видимому, подобрившись к татарам на близкое расстояние, казаки открыли по ним стрельбу из ружей, в результате чего «убили татар на берегу 20 человек», «да в воде, как они ... побежав, поплыли через реку на другую сторону, из ружья побили многих татар». Немало «бусурман» утонуло в реке, другие бежали в Крым; «в языках» было захвачено три человека. На этом «погроме» казаки захватили у татар 200 лошадей, а иного имущества — «платья, и луков, и сабель» отбили («отгромили») настолько «добре много», что всего «поднять и везть с собою не могли» и, отобрав лучшее, остальное пометали в реку¹⁴.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что не всегда походы «на степь» бывали столь удачны для казаков — в казачьей жизни случалось всякое. Зачастую непросто было и отступить с захваченной добычей обратно на Дон. На этот счет документы донесли до нас следующий эпизод из степной действительности того времени. Весной 1650 г. из Черкасского городка в степной поход ходили 150 казаков. Сначала донские «похожане» на р. Молочные Воды «отогнали было у татар лошади», однако затем татары, оправившись после нападения, лошадей отбили обратно. И хотя казаки сумели «отойти» (т. е. оторваться от преследования) и вернуться на Дон «все без

урону», в Черкасском городке они сообщили, что «на степи везде кочуют татаровя, насилиу они (казаки. — *О. К.*) от них степью проехали»¹⁵.

Бывало, что ушедшие в набег не могли отыскать в степи татарских кочевий. Улусы татар, кочуя по степи, переходили с места на место, и обнаружить их бывало непросто. Так, казаки Кагальницкого городка И. Косой «с товарыщи» в декабре 1641 г. в составе отряда из 20 человек отогнав на р. Молочные Воды 200 лошадей из кочевья Акимбет-мурзы Аксакова, спустя две недели вновь ходили в набег под Крым. Однако «Акимбет де мурзу» (т. е. его улус) им «нигде на степи» обнаружить не удалось, и куда ушли татары с Молочных Вод, было также неясно¹⁶. В отписке с Дона одного из русских служилых людей осенью 1646 г. сообщалось, что из казачьих городков «под крымские и нагайские улусы часто ходят на степь козаки и (донские. — *О. К.*) тотарове», однако ни «языков, ни коней нигде не добудут и улусов не сыщут»¹⁷. Данная ситуация была связана с тем, что время от времени татары по разным причинам уходили из прилежавших к Дону степей либо внутрь Крыма, либо к западу от Перекопа, а с левой стороны Дона — за Кубань. В такие моменты крымские и ногайские степи, служившие для казаков источником регулярной военной добычи, пустели, и это отрицательно сказывалось на материальном благополучии жителей казачьих городков¹⁸.

Итак, охарактеризовав способы приобретения и объемы добычи донскими казаками лошадей у кочевников, вернемся к торговой тематике. Прежде всего следует сказать о специфике сыска 1628 г. По своим масштабам он был достаточно ограниченным и коснулся лишь ряда южнорусских городов. В Курске и Белгороде сыск был поручен Н. Беклемишеву, в Ельце и Воронеже И. Турганеву, в ряде других городов следствие проводилось местными воеводами. Важно отметить, что население всячески уклонялось от дачи показаний, особенно это было характерно для Воронежа и Белгорода, откуда вниз по Дону и Северскому Донцу ежегодно и с ведома воевод к казакам отправлялись формиовавшиеся здесь судовые торговые караваны. В данных городах препоны сыску создавали сами воеводы, а у населения Белгорода было, в частности, «меж собою позаказано: никому ни про ково (в ходе допросов. — *О. К.*) не сказывать»¹⁹. В этом же городе из-за угроз убийства сыщика со стороны местных жителей следствие не было доведено до конца. Интересно также следующее: свое участие в казачьих походах признал только один человек, хотя в ходе допросов и были упоминания, что вместе с донскими казаками «на море, и под Азов, и на крымские улусы» ходят в походы торговые «многие люди..., на Дону которые годуют» (согласно другому варианту — «зимуют»). В ответ на требование назвать имена таковых практически все отговаривались незнанием их имен и прозвищ²⁰.

Всего в деле в связи с поездками к казакам упоминается более 370 жителей 15 южнорусских городов. Из них было допрошено 189 человек (из Курска, Белгорода, Ельца, Воронежа, Тулы, Калуги, Белева, Рязска, Зарайска

и Скопина). «Распросные речи» имеются только по 92 таким допросам: сыщик И. Тургенев, вопреки наказу, отослал в Разряд лишь обобщенную сводку допросов, а не индивидуальные «распросные речи». Таким образом, полные записи показаний подследственных имеются лишь по Курску, Белгороду и ряду более северных городов²¹. В целом можно констатировать отрывочность сведений о торговле жителей южнорусских городов на Дону, зафиксированных в материалах следствия 1628 г.²² Однако и собранная в ходе сыска информация дает нам уникальные свидетельства о таком явлении, как «донская торговля» в целом, и о торговых сделках с лошадьми как одной из важнейших составляющих этой торговли²³.

Большинство подследственных, согласно их расспросам, ездили в казачьи городки на короткое время: от нескольких дней и недель до двух-трех месяцев, как правило, с товарами (чаще всего это были «хлебные запасы»), или же в гребцах по найму. При этом их пребывание на Дону ограничилось либо торговыми сделками с казаками, либо заработками в казачьих городках своим «мастерством» (сапожное, портняжное, кузнечное, ювелирное, пекарное дело) с аналогичным коммерческим итогом. Часто, купив на вырученные деньги лошадей, они возвращались через степь обратно в города «станции» (т. е. отрядами), насчитывавшими нередко по 50–100 человек²⁴. Так, Воинко Татаринев, «серебряной мастер»²⁵, прожил у казаков два месяца, привез на Дон ржаной и пшеничной муки «кулей с 10, да с ним же была серебряная снасть». На вырученные деньги он купил две лошади — жеребца 5 лет и коня (соответственно за 2 и 5 руб.). При этом коня купил у него в Курске стрелецкий голова И. Ергонский за 3,5 руб. (возможно, путем вымогательства за поездку). Курский монастырский крестьянин Данилко Портной Мастер пробыл на Дону также два месяца, «хлебного запаса» возил только 3 куля для себя, заработал 5 руб., на которые у казаков купил 2 лошади — коня 10 лет и кобылу 8 лет (соответственно за 3 и 2 руб.); коня продал в Курске стрельцу за 7,5 руб. Гулящий человек Петрушка Докукин также прожил на Дону два месяца, куда съехал по найму в гребцах, после этого косил у казаков сено по найму же, заработал 3 руб.; на вырученные деньги купил коня 4 лет и кобылу (обоих по 2 руб.). Ларка Петров съехал на Дон в гребцах, жил там две недели, «кормился меж донских казаков сапожным мастерством», заработал 1 руб., на который купил татарскую кобылу 6 лет. Томилко Бородкин, съехав на Дон в гребцах, прожил там два месяца и также «кормился сапожным мастерством», заработал 3 руб.; на эти и имевшиеся у него еще 3 руб. купил две кобылы 5 и 6 лет за 6,5 руб., одну из которых продал в Курске монастырскому крестьянину за 4 руб. Крестьянин Филька Белоусов ездил к казакам по заданию своего помещика с целью покупки для него лошади, привез осьмину пшеничной муки, полосьмины ржаной муки, полосьмины пшена (всего, таким образом, 1 четверть «хлебного запаса», привезенного им из Курска в Белгород на двух лошадях), на которые выменял кобылу 10 лет и жеребчи-

ка 2 лет; прожил на Дону менее полутора месяцев. Первушка Рыжий привез на Дон 2 четверти «хлебного запаса», на который выменял кобылу 3 лет и жеребца 4 лет; жеребца продал затем курскому осадному голове Г. Юшкову, кобылу — курскому помещицкому крестьянину (соответственно за 2 и 2,5 руб.). У казаков он пробыл полмесяца. Богдашка Тростев привез на Дон 20 мехов ржаной муки, 2 меха пшена, 2 меха сухарей (мех по московской мере был осьминный). Ржаную муку он продал за 5 руб., пшено за 30 алт., сухари за 2 гривны, купив на них кобылу 6 лет и жеребца (соответственно за 3,5 и 2,5 руб.). На Дону он пробыл две недели, причем на обратном пути с Дона обеих лошадей у него отбили («отгромили») «воровские» запорожские казаки. Стрелецкий брат Федька Петров привез на Дон 2 четверти ржаной муки, выменял на них кобылу 4 лет, которую продал в Курске за 4 руб. У казаков он пробыл 2 недели. Панкрашка Суяков привез к казакам 2 четверти ржаной муки (которую он вез до Белгорода в двух возах), за нее выменял двух жеребцов 3 и 4 лет. Пробыл на Дону полмесяца. Жеребца-четырёхлетку у него купил в Курске осадный голова Г. Шумов за 2,9 руб. Монастырский крестьянин Марко Гаврилов привез на Дон пшена, а также ржаной и пшеничной муки 3 четверти, за пшено и муку он взял 6 руб., купив на них жеребцов 3 и 4 лет (по 3 руб.), одного из которых продал в Курске карачевскому сыну боярскому (цена не указана). Пробыл на Дону два месяца. Левка Затолокин съехал на Дон в гребцах по найму, пробыл там пять дней, купил мерина за 1,5 руб. Стрелецкий брат Мишка Солодовников привез к казакам четверть ржаной муки и пшено, запасы продал за 1,5 руб., купив на них коня (который, впрочем, в Курске у него пал); на Дону пробыл лето²⁶.

Данные сведения, которые фигурируют в первых допросах Н. Беклемишева в Курске, по преимуществу являются наиболее полными из всех остальных расспросов по данному делу и приведены нами практически с исчерпывающей полнотой. Хотя цены на лошадей всегда имели большой разброс, на данных материалах хорошо видна тенденция выручать за одну четверть (примерно 100 кг) «хлебного запаса» одну лошадь (если это, конечно, не конь — они стоили дороже). При этом стоимость лошади колебалась обычно в пределах 1–2 руб. При перепродаже в южнорусских городах цена лошади возрастала примерно в 2–2,5 раза. Впрочем, упоминаются в расспросах и иные цены. Так, Васька Константинов, «человек» некоего М. Лиморева, посланный своим господином на Дон с 2 четвертями ржаной муки, 2 четвертями пшеничной муки и 1 четвертью пшена, показал, что продал их у казаков за 15 руб., после чего «съехал коюком (судном. — *О. К.*) опять в Курск с денгами к хозяину своему»²⁷. Цена в 3 руб. за четверть представляется нам не соответствующей действительности — помимо этого случая, такая высокая стоимость «хлебных запасов» на Дону в указанных документах нам больше не встретилась. Итак, цена на хлеб и крупы, после их доставки на Дон, выростала самое меньшее втрое. И хотя столь высокие хлебные цены

«на Руси» в исследованном деле не зафиксированы, известно, например, что в 1641 г. цена четверти ржи (правда, зерна, а не муки) составляла в Курске 20 коп.²⁸

Все упомянутые выше люди ездили на Дон по весне («в Великий пост») 1626/27 гг. Судя по их расспросам, они недолго пробыли на Дону: выехав к казакам с торговыми караванами из Белгорода весной, осенью они уже были дома. Однако вместе с ними упомянуто несколько человек, проводших на Дону более длительное время. Так, Пронька Алымов, ездивший к казакам забирать имущество своего умершего на Дону двоюродного брата-казака (в прошлом — посадского человека из Орла), показал о себе, что пробыл там полтора года. Будучи сапожным мастером, Алымов привез в казачьи городки 2 юфти красной яловичьей кожи, «да сто подошв», из чего вместе с двумя другими мастерами шил казакам под заказ сапоги. Втроем ими было заработано 15 руб., в счет которых Алымов купил на Дону за 4 руб. две лошади, одну из которых затем продал в Валуйках сыну боярскому за 4 руб. 25 коп. Брат курского стрельца Гришка Кудашев съехал на Дон по найму в гребцах и пробыл у казаков три года. Жил он в Нижнем острожке²⁹ у донского казака Осипа Чумака, участвовал в казачьих походах, но никакой добычи, по его словам, не добыл. С Дона Кудашев вывел три татарских кобылы ценой в 3, 4 и 5 руб., купленных, по его словам, им у татар в Черкасском острожке. Деньги же на них он добыл «возле чумака Оськи на питьи и на зерни» — т. е. на торговле вином и игрой в кости (как видно из материалов данного дела, русские торговые люди привозили в казачьи городки в том числе и вино). При этом две лошади у него купил в Курске (возможно, в качестве взятки за пребывание на Дону) стрелецкий голова И. Игольской, заплативший за них 4,5 руб. Неслужильный сын боярский Петрушка Терской съехал к казакам по найму в гребцах, пробыл на Дону год и привел оттуда в Курск 4 лошади (3 кобылы, в т. ч. одну с жеребенком); последнюю он купил за 40 алт., две других — за 20 алт. и за рубль. При этом кобыла, у которой был жеребенок, у него пала, за жеребенка он выменял мерина, двух остальных лошадей продал (соответственно за 1 и 2 руб.). От обвинения в участии в казачьих походах Терской отказался³⁰.

Сыск Беклемишева в Белгороде дал гораздо более скромные результаты, поскольку белгородцы при содействии своего воеводы всячески уклонялись от дачи показаний. Называвшиеся при расспросах цены на лошадей сопоставимы с теми, которые были показаны в Курске. Так, помещичий крестьянин Гришка Федоров, съехав на Дон по найму в гребцах, привезенные к казакам ржаную муку, пшено и сухари (всего 1 четверть) выменял на лошадь, которую продал в Белгороде пушкарю за 3 руб. Гулящий человек Карпик Жулдиков за 2 руб. купил на Дону две лошади. Интересен и такой эпизод. Сын протопопа белгородского Троицкого собора Аксён ездил на Дон к пребывавшему тогда в казачьих городках своему тестю попу Тимофею, который, узнав, что его зять пострадал («погорел») во время пожара в Белго-

роде, велел ему «быть к себе для ссуды». В итоге Аксён привел с Дона двух лошадей. Гулящий человек Максимка Иванов продал казакам по 3 четверти муки и сухарей за 5 руб., на которые купил две кобылы. Гулящий человек Сафонко Парнев привез на Дон 2 четверти ржаной и 1 четверть пшеничной муки, продав их примерно на такую же сумму, за которую также купил две лошади. Станичный атаман Федор Шиловский привез к казакам 3 осьмины ржаной муки (1,5 четверти), на которые выменял кобылу с целью служить на ней станичную службу. Станичный атаман Селиверст Семернин за 3 четверти ржаной и пшеничной муки выменял для нужд службы две лошади. Наконец, станичный же атаман Сенька Муринов за 2 четверти ржаной муки выменял у казаков коня. Гришка Клягин ездил к казакам без товаров, «кормился кузнечеством своим», заработал 4 руб., на которые купил у казаков две лошади — кобылу и меринка; кобылу он продал белгородскому казаку за 2 руб., мерина также продал белгородцу (цена не указана). Гулящий человек Савка Хруловский привез на Дон четверть ржаной муки, по осьмине гречишной муки и пшена, продал их за 2 руб.; вернулся судном³¹.

После угроз убийством со стороны белгородцев, на что должным образом не отреагировал белгородский воевода М. Козловский (согласно отписке Беклемишева в Москву, последний заявил ему: «Не всех де тех врак слушать, что пьяные бредят!»), сыщик вновь уехал в Курск, где продолжил следственные мероприятия. Коротко приведем наиболее интересные для нас сведения. Сын боярский Сенька Наумов, ездивший на Дон с ржаной, гречневой мукой и пшеном, за 2 руб. купил у казаков мерина, которого затем продал в Москве барышнику (цена не указана). Сын боярский Лазарь Шестово за четверть ржаной муки, осьмину пшеничной, полосьмины пшена и полосьмины сухарей (т. е. за 2 четверти «хлебного запаса») выменял у казаков коня. Помещичий крестьянин Исайко Вертелка купил у казаков за 4 руб. кобылу и за 20 алтын жеребенка; кобылу затем продал. Сын боярский Мишка Каменев продал «на Яру (Монастырском. — О. К.)» осьмину ржаной муки за 4 гривны, за 1,5 руб. купил лошадь. Войка Кузнецов на Дон сбежал от отца, прожил у казаков год, с Дона вывел кобылу. Наконец, Савка Савин съехал на Дон в гребцах по найму, товара с собой никакого не возил, купил у казаков кобылу за 2,5 руб., прожив у казаков месяц. В это же время в Курск выехало с Дона несколько крымских полоняников, бежавших ранее от татар к казакам. Один из них вывел с Дона две лошади — коня и кобылу. Любопытно, что коня в Белгороде забрал у него воевода Козловский, оценив его (видимо, по белгородским ценам) в 6 руб. и раздав полоняникам по 2 руб. за «выход» из плена. С другим полоняником курский помещичий крестьянин Евтюшка (Евтифей) Ростягаев, пробывший к этому времени на Дону уже больше года, переслал к своему брату коня³².

Из расспросных речей по прочим городам в нашем случае наиболее интересны допросы, проведенные ряжским и пронским воеводами в Ряжске

и Скопине. Из расспросов известно, что, например, в Тулу, Калугу и Зарайск местные жители зачастую возвращались по Дону на судах до Ельца, а уже затем ехали до своих городов на лошадях. В Елец товары также везли лошадьми и уже затем грузили их на суда, иногда нанимаясь на них гребцами за плату в 2 руб. В материалах рассматриваемого дела часто встречаются упоминания о вывозе из области казачьих городков ломаной и горелой меди. Металл вывозили от казаков пудами³³.

Вернемся к материалам о торговле лошадьми. Согласно воеводской отписке в Москву из Ряжска, полковой казак Гришка Никифоров «ходил на Дон... з запасом з бедности», купив в Воронеже полосьмины пшена и четверик круп, на которые он приобрел у казаков лошадь, да еще одну лошадь донской казак переслал с ним ряжскому казачьему сотнику Н. Свиридову. Полковой казак Зиновка Булгаков отправился на Дон забрать оттуда своего родного брата — крымского полоняника, о котором узнал, что тот «вышел» из татарского плена к казакам. С собой Булгаков вез 2 четверти «хлебного запаса», купленного им в Воронеже. Брата он «сыскал» в Нижнем казачьем городке, а «запас» продал в казачьем Черкасском городке, купив на вырученные деньги пять лошадей. Правда, трех лошадей у него потом «отгромили» между городами Валуйки и Воронеж «воинския люди татарове», совершавшие в это время набег на «Русь». Булгаков с братом ушли от этих татар на двух оставшихся лошадях. Наконец, неслужилый сын боярский из Ряжска Карпик Гостев привез к казакам купленные им в Воронеже 3 четверти пшена, круп и муки, продав затем эти «запасы» в казачьем городке Курман Яр и приобретя на вырученные средства трех лошадей. Две из них он продал затем ряжскому сыну боярскому и одну уездному сельскому попу. Все эти люди ездили на Дон в 1626/27 гг., пробыв у казаков лето. Дьякон из Скопина Анкудин отправился в казачьи городки проведать про своего племянника, о котором ему сообщили, что тот находится в Азове в плену. При этом дьякон показал, что товаров и «хлебных запасов» у него не было. У казаков в Черкасском городке Анкудин отправлял вместе со вдовым попом Куприяном из ряжской казачьей Городецкой слободы службы в часовне. Купив в том же городке у «мирных татар» двух лошадей, он вернулся обратно в Скопин. На Дон дьякон ездил весной 1627 г. и был там до осени³⁴.

Отметим, что в материалах сысского дела встречаются и примеры неудачных, можно сказать даже, бестолковых поездок к казакам. Так, белгородский станичный ездок Степанко Болотов, согласно его расспросным речам, отправился на Дон в 1626 г. «с бедности» для «конской покупки». На продажу в казачьи городки он повез 2 четверти ржаной муки. Однако в дороге он ее «Доном идучи, в Роздорах помочил всю», после чего, пробыв у казаков пять дней, через донецкую степь пешком вернулся в Белгород.

Портной мастер из Курска Ивашка Рыжий, отправившийся в том же 1626 г. на Дон на заработки, провел у казаков четыре недели и, «пропився..., товару де (с Дона. — *О. К.*) никакого не вывез», ни с чем вернулся восвояси³⁵.

Как уже было сказано, легализация «донской торговли» произошла в 1638 г., однако сколько-нибудь существенного уменьшения стоимости «хлебных запасов» на Дону после этого времени не наблюдается. Соответственно не снизились, судя по всему, и цены на лошадей в казачьих городках. Следует отметить, что в Москве в наиболее критические моменты ситуации на Дону, живо интересовались ценами у казаков на продовольствие. Так, осенью 1639 г. (после перехода в русское подданство Большой Ногайской орды через Дон под Астрахань), четверть ржаной муки в казачьих городках стоила 2 руб., а пшеничная и гречневая мука и пшено стоили по 3 руб. за четверть. В марте 1641 г. четверть ржаной муки стоила 1,5 руб., просо — более 2 руб. Согласно другим сведениям, в мае того же года осьмина ржаной муки в казачьем Азове стоила уже от 30 алт. до рубля, цена осьмины просяных круп поднялась до 1,5 руб., а стоимость осьмины пшеничной муки дошла до 2 руб. В сентябре 1649 г. четверть ржаной муки стоила 80–90 коп., свежей муки — 1 руб., пшеница — 1,5 руб., гречневой муки — 1,2 руб. Наконец, в канун лета 1642 г. стоимость меха ржаной муки в пять четвериков составляла 1,5 руб., меха сухарей — 1 руб., меха пшеничной муки — 2 руб. Ранней осенью 1646 г. куль ржаных сухарей в осьмину стоил 1 руб., куль ржаной муки — 40 алтын, куль пшеничной муки и куль пшеница — по 2 руб.³⁶

Сравнительно невысокая стоимость «хлебных запасов» в казачьих городках отмечена в начале июня 1640 г. Тогда, по словам находившихся в Москве воронежских станичников, из южнорусских городов на Дон навезли много продуктов, в результате чего четверть ржаной муки стоила 30 алт., пшеница — 60 алт.³⁷ Но самые низкие цены на продовольствие в казачьих городках источники фиксируют в канун зимы 1646 г., когда в связи с бедственным продовольственным положением на Дону, из Воронежа к казакам по распоряжению Москвы был отправлен крупный торговый судовый караван под охраной служилых людей. Однако, поскольку у донских казаков в предшествующие полгода практически не было военных добыч, купить привезенные на Дон продукты было «некому и нечем», хотя в казачьих городках дело шло к голоду. В данных условиях мех ржаной муки в осьмину стоил 25 коп., мех пшеница — 60 коп. (т. е. четверть ржаной муки стоила полтину, пшеница — 80 коп.), и иные товары были «добре дешевле»³⁸. Подобные цены были, безусловно, крайне низки для Дона, однако вызваны они были весьма необычными для этих мест обстоятельствами.

Как видно из приведенных фактов, имеет место различие в цене четверти ржаной муки к такому же количеству пшеничной и гречневой муки, а так-

же других продуктов (примерно 1 к 1,5 или 1 к 2). Этим и объясняется разница в стоимости «хлебных запасов», которую можно наблюдать по материалам сыска 1628 г. В периоды стабильного экономического положения в казачьих городках на четверть ржаной муки стоимостью в 1 руб. в среднем можно было приобрести одну лошадь. Отметим в этой связи, что по данным московских конских книг рубежа 1620–1630-х гг., приведенным А. И. Раздорским, средняя стоимость лошади в русской столице в августе 1629 г. и мае 1630 г. составляла примерно 3,25 руб., причем лошади ценой в 10 руб. и выше были редкостью³⁹. Средняя цена лошади в Курске в 1628/29 г. по расчетам этого же автора равнялась 2,44 руб.⁴⁰

Средняя стоимость обычной лошади на Дону, согласно материалам сысчного дела 1628 г., составляла 1 руб. Цена же хорошего скакового коня как в области казачьих городков, так и «на Руси» была, как правило, значительно выше. Это прослеживается, в частности, по челобитным, подававшимся в Посольском приказе донскими станичниками и русскими гонцами по поводу компенсации стоимости лошадей, потерянных ими в ходе поездок через донецкую степь из Валук на Дон и с Дона в Валуйки. Так, в 1636 г. казаки атамана Полуекта Савельева, сообщая в челобитной о потере ими в ходе движения зимой через донецкую степь 12 коней, писали, что таковых они покупали на Дону «дорогой ценой: конь в шестнатцать, и в тринатцать, и последней (по стоимости. — О. К.) в десять рублей»⁴¹. В других документах упоминаются цифры примерно того же порядка. Например, съезжавшие в 1638 г. речным путем в казачий Азов «для проведыванья вестей» воронежские сын боярский С. Пареной и поместный атаман И. Арефьев купили в Воронеже, заняв деньги в рост, четыре коня по 10 и 12 руб., из которых «на степи от скорые гоньбы» два пало⁴². В то же время цена лошадей, потерянных русскими гонцами по пути через донецкую степь, колеблется от 6 до 18 руб. (как правило, в зависимости от социального статуса гонца), в среднем составляя примерно 10 руб. за голову⁴³. Интересно, что казачьим станичникам из числа приезжавших в Москву с войсковыми отписками, при посылке их «наскоро» обратно на Дон с государевыми грамотами через донецкую степь, для покупки лошадей выдавалось по 15 руб. человеку⁴⁴.

Таким образом, цены на лошадей, которые представлены в сысчном деле 1628 г., отражают прежде всего повседневные реалии конской торговли на Дону, практически не учитывая ее элитной составляющей. Материалы следствия дают основания сделать бесспорный вывод о широком размахе торговли лошадьми между казачьими городками и югом России. Конская торговля составляла одну из важнейших граней «донской торговли», особенно принимая во внимание то обстоятельство, что лошади для продажи «на Руси» выгонялись с Дона также и самими казаками.

Примечания

¹ Так, в соответствии с наказом сыщикам Н. Беклемишеву и И. Тургеневу требовалось выяснять: «кто что (на Дон. — *О. К.*) каких товаров, или вина, или запасов (хлебных. — *О. К.*) порознь возили, и кому те товары, и запасы, и вино на Дону продавали, и на што хто продал: на денги ль, или на золотые, или на товары какие променяли» (см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 108).

² Подробнее о составе дела и обстоятельствах, вызвавших сыск, см.: *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 48–53.

³ В указанной выше монографии и более ранней статье по рассматриваемой тематике (см. *Куц О. Ю.* О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.) // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 132–157) вопрос цен нами почти не затрагивался.

⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1642 г. № 1. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 4 (Расспросные речи в Астрахани приехавшего сюда из Азова донского казака Е. Емельянова). — Не исключено, что в обоих случаях речь может идти об одном и том же походе, хотя, судя по расспросным речам, упомянутые набеги были совершены под разные улусы.

⁶ Там же. 1639 г. № 1. Л. 14 (Расспросные речи в Астрахани посылавшегося на Дон сына боярского И. Сулова).

⁷ Там же. Л. 115 (Расспросные речи в Астрахани вернувшегося с Дона «донского тарина» Б. Кульмаметева).

⁸ Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. Стб. 56. (РИБ; Т. 24).

⁹ РГАДА. Ф. 127. 1639 г. № 1. Л. 19.

¹⁰ Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 347. — Болдырь — сын русского человека и татарки.

¹¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 53, 56. (Из войсковой отписки и расспросных речей присланных в Москву казаков).

¹² Впрочем, время от времени имели место и масштабные нападения с Дона, заканчивавшиеся разгромом целых кочевий. Так, серия сильнейших ударов по татарским улусам была нанесена казаками, например, в 1634–1635 гг. (см.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 238–239).

¹³ РГАДА. Ф. 127. 1638 г. № 1. Л. 61–63.

¹⁴ АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 663–664. Донские дела. Кн. 5. Пг., 1917. Стб. 487. (РИБ; Т. 34).

¹⁵ Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. Стб. 497. (РИБ; Т. 29).

¹⁶ РГАДА. Ф. 127. 1642 г. № 1. Л. 95.

¹⁷ Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. Стб. 368. (РИБ; Т. 26).

¹⁸ Нередко бывало также, что лошадиные табуны отгоняли у казаков в ходе своих набегов на Дон и кочевники.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 255.

²⁰ Там же. Л. 179, 180.

²¹ См. *Куц О. Ю.* Донское казачество... С. 60–61.

²² В этом отношении характерны слова, сказанные в Белгороде сыщику Н. Беклемишеву белгородским попом Гурием после допроса его брата А. Харитонова, также привлеченного к сыску за поездку на Дон: «Коли де придет к большому сыску, тогда мы учнем про вся сказывать и никою не утаим...». Данный сыск считался, таким образом, недостаточно серьезным (см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 242).

²³ Следует отметить, что теме торговли южнорусских жителей с казаками посвящена статья А. А. Новосельского, в которой приводятся и материалы из упомянутого дела (см.: *Новосельский А. А.* Из истории донской торговли в XVII веке // *ИЗ.* 1948. Т. 26. С. 198–216). Однако вопрос цен в указанной работе почти не затрагивается.

²⁴ Впрочем, в обратный путь нередко отправлялись и на судах, как правило, в том случае, если торговые сделки с казаками заканчивались приобретением не лошадей, а иного имущества (прежде всего трофейного).

²⁵ В этом, как и в ряде других случаев, социальный статус подследственного в материалах дела не указан.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 149–159, 161, 163–167, 170, 178–179.

²⁷ Там же. Л. 160.

²⁸ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 200.

²⁹ Речь идет о казачьем городке под названием Монастырский Яр, находившемся на самом низу казачьего Дона. В рассматриваемое время это был центр донского казачества.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 146–148, 180–182. — Чумак — кабатчик.

³¹ Там же. Л. 234–235, 237–238, 242–246, 257, 260–261, 317, 321.

³² Там же. Л. 335–337, 342–343, 345, 347.

³³ См., к примеру: Там же. Л. 208, 211, 221 (Показания жителей г. Зарайска).

³⁴ Там же. Л. 123–129, 139–140.

³⁵ Там же. Л. 150, 248.

³⁶ Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стб. 961. (РИБ; Т. 18); Кн. 2. Стб. 126, 163, 366; Кн. 3. Стб. 317; Кн. 4. Стб. 277 (Из показаний в Москве приезжавших сюда с войсковыми отписками казачьих станиц и вернувшихся с Дона служилых людей).

³⁷ Там же. Кн. 2. Стб. 46.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 235. Л. 193.

³⁹ *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011. С. 19, 27.

⁴⁰ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке. С. 252.

⁴¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 483.

⁴² Там же. Стб. 793–795.

⁴³ Там же. Кн. 1. Стб. 317, 625, 862; Кн. 2. Стб. 133, 136, 138, 323, 519.

⁴⁴ См., например: Там же. Кн. 1. Стб. 951–955; Кн. 2. Стб. 272, 354, и др.

А. А. Рогожин

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕРЕДИНЕ XVII в. ПО ДОНЕСЕНИЯМ КОМИССАРА ИОАННА де РОДЕСА

Русско-шведские торговые отношения в середине 1640-х гг. после некоторого «затишья» стали активно развиваться. Этот период торговых контактов между двумя странами был подробно рассмотрен главным специалистом в этом вопросе И. П. Шаскольским, посвятившим ему несколько монографи-